

ИСПАНСКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Статья вторая и послѣдняя.

Аларсонъ. — Его характеристика и биографическія свѣдѣнія о немъ. — Испанскіе актеры и испанская публика въ XII столѣтіи. — Картина сценическаго представленія въ Мадридѣ въ 1630 году. — Замѣчательнѣйшія произведенія Аларсона. — Заключеніе.

Кто не знаетъ Лопе де Вегу и Кальдерона? но вотъ поэтъ мало извѣстный, который достоинъ громкой извѣстности....

До 1846 года имя дона Жуана Руица де Аларсона совсѣмъ не было извѣстно, а между тѣмъ оно принадлежитъ къ числу великихъ именъ испанской литературы. Аларсонъ рѣшительно выше Моратина и Монтальвана, но Шлегель, Бутервекъ и Сисмонди, исключительно занимавшіеся испанской литературой, умалчиваютъ о немъ...

Сами испанцы забыли его; имя Аларсона рѣдко и только мимоходомъ встрѣчается въ ихъ литературныхъ летописяхъ. При жизни обманъ отнялъ у него славу; по смерти, критика съ трудомъ открыла его. Корнель, взявшій у него своего *Ажеца* (1), комедію, съ которой началась сценическая слава Франціи, приписываетъ свой образецъ Лопе де Вегу, называя его «чудомъ театра, съ которымъ въ своемъ родѣ ничто не можетъ сравниться ни у древнихъ, ни у новыхъ народовъ». Еще очень недавно Викторинъ Фабръ приписывалъ

(*) *Verdad sospechosa* (Подозрительная правда) у Аларсона.

Франциску де Ройасъ *Verdad sospechosa* — прототипъ корнелиева *Лжеца*. Только трудамъ Антоію, Сальвы, Дени и Шаля обязаны мы открытіемъ нѣкоторыхъ біографическихъ извѣстій объ Аларсонѣ.

Природа и общество падѣлили Аларсона самыми разнообразными дарами: оригинальный талантъ, огромное самолюбіе, благородное происхожденіе и тѣлесное безобразіе. Онъ былъ индѣецъ, то есть родился въ Мексикѣ, а надо знать, съ какимъ презрѣніемъ испанцы долго смотрѣли на урожденцевъ своихъ же колоній. Несмотря на то, Аларсонъ занималъ почетное и выгодное мѣсто при мадритскомъ дворѣ. Онъ не влачилъ жизни въ горькой нищетѣ, какъ Камонсъ и Сервантесъ; онъ стоялъ наравнѣ съ знатными фамиліями того времени, которыя, съ высоты своего величія и кастильской гордости, разумѣется, съ презрѣніемъ смотрѣли на поэта-индѣйца и горбуна. Не подвержено сомнѣнію, что Аларсонъ былъ горбатъ; его горбъ послужилъ современникамъ поводомъ къ многимъ эниграммамъ на поэта.... Говорили, что онъ «принимаетъ свой горбъ за Геликонъ», или: «еслибъ его горбъ былъ также великъ, какъ его гордость, Осса и Пеліонъ не сравнялись бы съ нимъ...» Дѣйствительно, Аларсонъ былъ необыкновенно гордъ. Вотъ что онъ говоритъ публикѣ въ одномъ предисловіи: «Кавалья, хищный звѣрь! я обращаюсь къ тебѣ; я ни слова не говорю дворянамъ, которые обходятся со мною даже лучше, чѣмъ я хочу; я вѣрю тебѣ мои произведенія; сдѣлай съ ними все, что ты обыкновенно дѣлаешь съ хорошими вещами: будь, по обыкновенію, несправедлива и глува. Они касаются тебя, они направлены противъ тебя; въ нихъ царитъ презрѣніе къ тебѣ. Они прошли твои великіе лѣса (партеръ), — они пойдутъ теперь въ твои берлоги. Если ты найдешь ихъ дурными, тѣмъ лучше: значить, они хороши. Если они понравятся тебѣ, тѣмъ хуже: значить, они никуда не годятся. Заплати за нихъ, и я возрадуюсь, что они чего-нибудь да стоили тебѣ».

Злой горбунъ, разумѣется, вооружилъ противъ себя и собратьевъ своихъ по ремеслу. Но несомнѣнно, что онъ написалъ нѣсколько превосходныхъ драмъ; многіе приписывали ихъ себѣ; Корнель пользовался ими, не зная имени автора....

По всемъ вѣроятностямъ, Аларсонъ родился въ началѣ XVII столѣтія, въ мексиканской провинціи Куско, отъ знаменитой фамиліи Аларсонъ, которая отличалась въ войнахъ съ американцами, и изъ которой на островъ Кубъ было нѣсколько генераль-губернаторовъ. Вѣроятно, Аларсонъ учился въ школѣ, только-что основанной тогда въ Мексико. Между 1621 и 1622 годами онъ прибылъ въ Европу, въ 1625 году получилъ титулъ и чинъ лиценціата: затѣмъ онъ назначенъ комиссіонеромъ королевскаго индѣйскаго совѣта, жилъ при

дворъ , написалъ восемь комедій, составившихъ первый томъ (1628, Мадридъ) его сочиненій, и потомъ еще двѣнадцать, составившихъ второй томъ (1634, Барцелона): вотъ все, что знаемъ мы объ Аларсонъ. Можно еще предполагать, что, вооруживъ противъ себя многихъ въ Испаніи, онъ возвратился въ Америку, преслдуемый своими врагами.... Уже въ 1642 году его лучшую комедію *Verdad sospechosa* приписывали Ройасу и Лопу.

Въ 1641 году Корнелю попадаетъ въ руки испанская драма; ея авторъ названъ Лопъ де Вега. Она такъ нравится Корнелю, что онъ тотчасъ дѣлаетъ съ нея снимокъ. «Я отдалъ бы за нее весь мой произведенія», говоритъ онъ. Снимокъ удался. «Я пошелъ за славнымъ Лопомъ де Вега», откровенно говоритъ Корнель въ предисловіи. «Это копія съ превосходнаго оригинала, созданнаго имъ подъ именемъ *Sospechosa Verdad*. Пусть мой трудъ назовутъ займомъ; драма такъ хороша, что мнѣ хотѣлось бы сдѣлать побольше такихъ займовъ у нашего непріятели (у испанцевъ)».

Лжеецъ — образецъ здраваго смысла и подражательнаго искусства. Но оригиналъ созданъ не Лопомъ де Вега, а Аларсономъ, котораго имя едва извѣстно свѣту. Вы найдете его произведенія не болѣе какъ въ одной, въ двухъ европейскихъ библіотекахъ. Біографы молчатъ о его жизни, но прочтите его драмы, и вы угадаете въ ней длинный романъ, продолжительныя бури.... Игра случая — его любимая тема; высокое и низкое въ жизни являются взору въ ихъ траги-комическомъ видѣ, когда читашь его произведенія. Чувство чести поддерживаетъ эту драматическую машину.

Легкость изобрѣтенія особенно замѣтна въ Лопъ. Въ Кальдеронъ живой религіозный энтузіазмъ, рѣзкость и сила образовъ, напоминающая востокъ. Аларсонъ выводитъ на сцену мавровъ и жидовъ, чародѣевъ и чародѣекъ, перуанцевъ и жителей Мексики. Онъ любитъ случай; страсть къ борьбѣ съ судьбой доходитъ у него до поэтической восторженности. Онъ пишетъ чище, правильнѣе своихъ современниковъ. Онъ уменъ. Его рѣчь сильна, смѣла, жгуча; онъ не рассыпаетъ метафоръ и эпитетовъ, какъ Кальдеронъ. Онъ любитъ дѣйствіе, не любитъ фразы и презираетъ массу, жаждущую эффектовъ. Мы видѣли, какъ въжливово онъ обращается къ публикѣ. Но *хищный зепрь*, какъ называетъ публику Аларсонъ, отмстилъ ему: онъ скрылъ его имя въ своихъ *льсахъ и берлогахъ* такъ, что исчезла и память о немъ....

Еще при жизни брали и оскорбляли его. Его лучшія пьесы печатали подъ вымышленными именами. Въ XVI столѣтіи испанскія драмы плодятся какъ колосья на плодоносной почвѣ; послѣ перваго представленія ихъ забывали. Замѣчательное произведеніе рѣдко отли-

чали отъ посредственнаго. Нужны были только любопытныя приключенія, поединки, превращенія, запутанная завязка.... Драммы Аларсона прошли черезъ сцену, имѣли успѣхъ и были забыты. «Пока онъ жилъ — говорить одинъ испанецъ — всякой готовъ былъ приписать себѣ его произведеніе; но по смерти никто уже не помнилъ его имени, кромѣ немногихъ литераторовъ.» Аларсонъ предвидѣлъ свое забвеніе, но пренебрегалъ славой и не заботился упрочить ее....

Испанцы видѣли въ театрѣ легкое ежедневное удовольствіе, а не искусство. Въ началѣ XVII столѣтія комедіи и комедіянтъ наполняли Испанію, доставляя обществу мимоулетное развлеченіе. «Почти въ каждомъ городѣ Испаніи — говоритъ одинъ тогдашній путешественникъ — найдешь толпы актеровъ; они лучше нашихъ и не получаютъ королевскаго жалованья. Они приходятъ въ улицу, на дворъ, куда выйдутъ побольше домовъ и оконъ, и играютъ днемъ безъ огня. У нихъ нѣтъ такихъ превосходныхъ декорацій, какія у насъ; хороши декораціи только въ *El buen Retiro*. У нихъ есть амфитеатры и партеръ. Въ *El buen Retiro* есть двѣ залы, называемыя въ Мадридѣ *corrales*; онѣ всегда наполнены купцами и ремесленниками, которые, покинувъ свои лавки и мастерскія, приходятъ сюда въ плащахъ, со шпагами, съ кинжалами, и всѣ до послѣдняго башмачника, называются *caballeros*. Они-то рѣшаютъ участь комедіи. Они-то освистываютъ ее, апплодируютъ ей; возсядая рядами по сторонамъ, они время отъ времени производятъ залпы, за чтò ихъ называютъ *mosqueteros*.... Счастіе автора зависить отъ нихъ!... Мнѣ рассказывали, что какой-то авторъ пошелъ къ одному изъ мушкетеровъ и предложилъ ему сто реаловъ, чтобы его пьеса удостоилась одобренія. Но *mosquetero* гордо отвѣчалъ:

— Увидимъ, будетъ она хороша или нѣтъ.

И ее освистали. Многія мѣста въ театрѣ переходятъ отъ отца къ сыну, какъ *Mayorazgo* (*); ихъ не уступятъ, не продадутъ: до того страстно любятъ здѣсь театрѣ. Женщины сидятъ всѣ въ амфитеатрѣ, куда мужчинамъ нѣтъ доступа.

«Для обыкновенныхъ комедій — говоритъ голландецъ Аарсенъ — здѣсь два театра, въ которыхъ играютъ каждый день. Комедіянтъ беретъ себѣ около полутора су каждый; столько же платятъ на госпиталь; чтобъ пройти къ скамейкамъ, платятъ два су въ пользу города, гдѣ театрѣ; за мѣсто платятъ еще семь французскихъ су; все представленіе обходится въ пятнадцать су. Играютъ скверно, потому-что кромѣ немногихъ удачныхъ актеровъ, все остальное не

(*) Майоратъ.

имѣть и тѣни таланта. Мужскія платья не богаты и не соответствуютъ предмету. Римскія и греческія сцены разыгрываются въ испанскихъ платьяхъ. Вся пьеса, которая я видѣлъ, состоитъ только изъ трехъ актеровъ, называемыхъ здѣсь *jornadas*. Ихъ начинаютъ музыкальнымъ прологомъ; но испанцы поютъ такъ дурно, что ихъ пѣніе похоже на дѣтскій крикъ. Въ антрактахъ дается какой-нибудь фарсъ, балетъ или особенная «интрига», что часто составляетъ самое веселое въ представленіи. Впрочемъ народъ такъ любитъ зрѣлища, что съ трудомъ находишь мѣсто въ театрѣ. Самые знатные всегда впереди.... Общая страсть къ зрѣлищамъ показываетъ, что праздность доходитъ здѣсь до крайней степени; въ Парижѣ, гдѣ не всякой день играютъ, нѣтъ такой жажды побывать въ театрѣ».

Вотъ картина сценическаго представленія въ Мадридѣ, въ 1630 году. Представьте большой испанскій дворъ; вездѣ балконы и рѣшотки, а за рѣшотками привилегированные зрители; актеры играютъ подлѣ открытымъ небомъ; въ амфитеатрѣ женщины; оттуда сверкаютъ тысячи черныхъ, блестящихъ глазъ; по обѣимъ сторонамъ двора два ряда *mosqueteros* въ лохмотьяхъ, *mosqueteros*, выставляющихъ наружу роскошь бѣдности и здоровья, гордое смуглое чело, квадратныя толстыя плечи, гордыя и смѣлыя лица, сообщающія удивительный эффектъ цѣлому картинѣ.

Вотъ публика Аларсона. Мы видѣли, какъ онъ презиралъ ея приговоры.

Три произведенія Аларсона далеко превосходятъ всю остальныя: *Сомнительная правда*, *Какъ приобретаешь друзей* и *Ткачъ изъ Сеговии*, съ большимъ искусствомъ переведенный на французскій языкъ Фернандомъ Дени.

Кальдеронъ отличается страстнымъ, восторженнымъ лиризмомъ; Аларсонъ характеризуетъ рыцарство. Особенно рѣзко выдающаяся черта его таланта — героизмъ мысли и чувства. Сущность испанскаго характера сосредоточивается, такъ сказать, въ его драмѣ: въ ней мало диорамбическаго, нѣтъ строгой правильности; но поэтъ превосходно идеализируетъ честь, преданность, долгъ, феодализмъ, самопожертвованіе, силу воли, — и вотъ въ чемъ интересъ его произведеній.... Беремъ въ примѣръ комедію: *Какъ приобретаешь друзей*.

Дона Флоръ перѣехала изъ Кордовы въ Севилью. Она молода, хороша, горда и кокетлива; донъ Фернандо Годой, прежній женихъ ея, забыть ею для маркиза дона Фадрика, королевскаго любимца. Не то, чтобы дона Флора почувствовала сильную страсть къ маркизу,

— нѣтъ : она любитъ роскошь, свободу и вадѣтся сдѣлаться знатной и независимой дамой. Однажды, на пути къ своей подругѣ, донь Аннѣ, она встрѣтила дона Фернандо, своего прежняго жениха ; полный довѣренности и надежды, онъ проситъ ее исполнить свои обѣщанія.

— Я боюсь, чтобы маркизь донъ Фадрикъ не повредилъ вамъ у короля, говоритъ она : — боюсь также и брата ; погодите. Дайте честное слово, что никому не скажете о нашей связи.

Донъ Фернандо вѣрнѣе, клянется молчать, но проситъ свиданія. « Въ полночь, у виноградника за садомъ », говоритъ она. Онъ является и застаётъ на условномъ мѣстѣ другого.... Маркизь, влюбленный въ дону Флоръ, ревнивѣе какъ кастилецъ : онъ проситъ своего брата стеречь садъ. Донъ Санхо (братъ) встрѣчаетъ молодого Фернандо ; шпаги вынуты изъ ноженъ ; дерутся ; донъ Санхо убитъ. На шумъ сбѣгается полиція ; трупъ поднимаютъ, убійцу преслѣдуютъ.... Его бѣлый плащъ хорошо замѣтенъ въ темнотѣ... Въ то время донъ Фадрикъ идетъ къ своему брату. Онъ никогда не видалъ дона Фернандо, но донъ Фернандо знаетъ его. Онъ проситъ у него помощи : вещь обыкновенная между рыцарями и придворными.

— Если ты благороденъ, говоритъ онъ маркизу : — докажи, дворянинъ, благородство своего сердца. Возьми подъ свое покровительство человека, котораго все преслѣдуетъ ; перемѣни мой бѣлый плащъ на свой, и ты спасешь жизнь несчастному !

— Ни слова болѣе, кавалеръ, возражаетъ маркизь : — успокойтесь ; дѣло кончено.

— Вы донъ Фадрикъ ?

— Да.

— Вы спасаете меня !

— Разскажите, что случилось ; на меня можно положиться.

— Я убилъ человека ; онъ кинулся на меня въ неистовствѣ съ шпагой въ рукахъ ; онъ хотѣлъ моей жизни, я защищался.

— И вы бились законно ?

— Мы были одни, съ обнаженными шпагами, — оба равны ; смерть выбрала его ; она не хотѣла меня !

— Если такъ, я спасу васъ.

Услышавъ шумъ, донъ Фадрикъ совѣтуетъ Фернандо спрятаться за дерево. Полицейскій объясняетъ ему, что убить донъ Санхо, недалеко отъ сада донъ Флоръ, которую маркизь такъ ревнуетъ. И такъ, маркизь явился брата, котораго любилъ ; тысячи подозрѣвнѣе волнуютъ его : онъ боится, что донъ Флоръ любитъ Фернандо.... но онъ помнитъ слово, данное рыцарю....

— Saballego! восклицаетъ онъ.
 — Я здѣсь, донъ Фадрикъ.
 — Мы одни!
 — Одни.
 — Тотъ, кого убилъ ты — былъ мой братъ.
 — Я убилъ его, не зная этого.... Я это узналъ уже послѣ и сожалѣлъ о немъ.

— Не извивайтесь.
 — Не боязнь заставляетъ меня оправдываться, маркизъ.... я пришелъ просить у васъ защиты, зная, что вы братъ дона Санхо....

— Я сказалъ вамъ, донъ Фернандо, не оправдывайтесь, не потому, чтобъ меня волновалъ гнѣвъ, жажда мести.... Разувѣрьтесь, вы обижаете меня, сомнѣваясь въ моемъ словѣ; вы обижаете меня, думая, что печаль можетъ заставитьъ меня забыть клятву. Я сказалъ вамъ, что спасу васъ — и вы будете спасены мною.

— Маркизъ, я цалую землю, которую вы попираете ногами!
 — Встаньте, saballego. Чѣмъ вы обязаны мнѣ? Ничѣмъ. Я одолжаю самого себя. Давая вамъ честное слово, я былъ вашимъ благодѣтелемъ; исполняя мое обѣщаніе, я ничего для васъ не дѣлаю, я исполняю данное слово, я никого не обязываю.

— Въ васъ великая душа, Фадрикъ, — вы достойны мѣста, которое занимаете. — вы, другъ нашего короля!

— Всѣ эти слова ничтожны. Теперь рѣшено, что вы будете спасены мною. Надѣйтесь на это. Скажите мнѣ, кто вы и въ какихъ отношеніяхъ съ доной Флоръ.... Скажете вы мнѣ это?

— Нѣтъ. Ненависть, которую вы должны питать ко мнѣ, не велитъ мнѣ сказать вамъ мое имя. Вамъ сейчасъ рассказали, какъ все происходило. Это — поединокъ между двумя дворянами. Что касается до доньи Флоръ, мнѣ нечего сказать вамъ о ней. Вы лучше другихъ знаете, что значитъ клятва. Маркизъ, я въ вашихъ рукахъ!

— Очень хорошо. Пойдемте со мною. О обѣщаніе! святое обѣщаніе! о слово дворянина!

Съ этими словами несчастный донъ Фадрикъ уводитъ убійцу своего брата. Онъ не только облегчаетъ и покровительствуетъ его бѣгство, но еще даетъ ему нѣсколько дорогихъ вещей съ своего костюма, потому-что у Фернандо было очень мало денегъ. Тронутый его великодушіемъ, донъ Фернандо называетъ себя по имени, но рѣшительно отказывается сказать что-нибудь о донѣ Флоръ. Маркизъ мало-по-малу выходитъ изъ себя; онъ осыпаетъ его вопросами и наконецъ вынимаетъ шпагу. Донъ Фернандо безоружный стоитъ передъ нимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, восклицаетъ Фадрикъ: — ваше упорство возмущаетъ, бѣситъ, волнуетъ меня. Защищайтесь, донъ Фернандо; шпага моя найдетъ въ вашемъ сердцѣ ту тайну, которую не хотятъ выговорить ваши уста!

— А! маркизь, я знаю, вы храбры.

— Въ страданіи много отчаянной отваги, а я ужасно страдаю!

— Я также храбръ, какъ вы; но со мной нѣтъ оружія.

— Много кроваваго въ ревности, продолжаетъ маркизь: — а я ревнивъ!

— Донъ Фадрикъ, вы нападаете на меня?

— Такъ говорите, отвѣчайте, знаете вы дону Флоръ? Ваша она?

— Мнѣ нечего отвѣчать!

— Нечего! а если я убью васъ на мѣсть?... у васъ нѣтъ шпаги!

— Моя тайна умретъ со мною; иначе не должно быть!

— Ты благороденъ! ты великъ! Я преклоняюсь передъ тобою, образецъ чести и рыцарства! Ты долженъ жить, чтобъ на землѣ знали, что такое величіе души. Слѣпая месть не должна загасить возвышенную добродѣтель! Я могъ убить тебя, донъ Фернандо; я желалъ убить тебя: я любилъ брата, — я ревную дону Флору къ тебѣ, — ночь безмолвна; ты бѣглець, возрастающее бѣшенство одушевляло меня, но я лучше оставляю тебя въ живыхъ! Пусть только никто не знаетъ, что ты оскорбилъ меня! Намъ слѣдовало драться, слышишь! А теперь, если хочешь сдѣлаться моимъ другомъ, ты обяжешь мое сердце!

— Я другъ вашъ навсегда, другъ преданный! Вотъ мое слово, вотъ и рука!

— Донъ Фернандо Годой, ступайте съ Богомъ! Знайте, другъ, что смерть брата глубоко огорчила меня, а я все-таки столько уважаю васъ, что радъ знакомиться съ вами! Я примиряюсь съ нынѣшнимъ днемъ: онъ отнял у меня брата, но далъ мнѣ друга!

Превосходный памятникъ искусства! Аларсона, какъ Корнелия, вдохновляетъ героизмъ. Героическая драма перешла изъ Испаніи во Францію, изъ Франціи въ Англію, изъ Англіи въ Германію. Святость даннаго слова, добровольная преданность, — вотъ характеристическія черты древнихъ германскихъ племенъ. Ихъ освѣтило христіанство; къ нимъ присоединился фанатизмъ. На преданность и честь стали смотрѣть, какъ на вдохновеніе свыше. Женщину уважали и прежде, какъ существо слабое, но мудрое: не разъ внимали ей совѣтамъ. Теперь въ ней стали видѣть живое олицетвореніе чего-то неземнаго. Послѣднею степенію нравственнаго униженія

считалась переменна въры, бѣгство съ поля, насиліе надъ слабымъ. Масса такихъ чувствъ и понятій въ Испаніи достигла до послѣдней степени восторженности и удержалась на долго.

Вотъ дальнѣйшее содержаніе драмы «Какъ пріобрѣтаешь друзей», достойное начала.

Въ то время царствовалъ донъ Педро, котораго Испанія упорно называла справедливымъ, а вся остальная Европа — жестокимъ. Донъ Педро умѣлъ цѣнить великодушіе.

Узнавъ поступокъ дона Фадрика и глубоко тронутый имъ, онъ призвалъ своего любимца; донъ Фадрикъ разсказалъ ему подробности дѣла, но не открылъ имени убійцы дона Санхо.... Король еще больше возвысилъ его: онъ сдѣлалъ его губернаторомъ Кордовы и почтилъ полной своей довѣренностью....

Между тайными порученіями, возложенными на дона Фадрика, было одно, касавшееся дворянина дона Педро де Луна: влюбенный въ одну придворную даму, донъ Педро де Луна проникъ къ ней, сломавъ замѣкъ у одной двери королевскаго дворца. Король не прощалъ подобныхъ преступленій. «Я рѣшился», сказалъ онъ маркизу, «наказать его: онъ долженъ умереть тайно. Я поручаю исполненіе дѣла вамъ. Выберите время, мѣсто и будьте точны и скоры».

Такое порученіе тяготило Фадрика. Онъ медлилъ, надѣясь, что время успокоитъ гнѣвъ короля, и не подозревая, что донъ Педро, завидуя его близости къ королю, ищетъ его гибели.... Была и другая причина, усиливавшая ненависть къ нему дона Педро: презирая гордую дону Флору, Фадрикъ полюбилъ молодую дону Инесу; но онъ не зналъ, что дона Инеса — любовница дона Педро....

Фадрикъ всячески старается спасти дона Педро. Узнавъ о смерти одного королевскаго генерала, онъ съ радостью отдастъ должность покойнаго дону Педро.... Но донъ Педро видитъ въ поступкѣ только желаніе удалить соперника, чтобъ удобнѣе продолжать интригу съ доной Инесой. Несмотря на сопротивленія, Фадрикъ принуждаетъ его вѣхать.

Вслѣдъ затѣмъ новая бѣда обрушилась на голову героя драмы.

Одна дѣвушка, въ отсутствіи отца, сдѣлалась жертвой насилія. Къ ней вошли ночью. Всѣ слуги были задарены.... У одного слуги оказалась золотая цѣпь съ гербомъ дона Фадрика; всѣ знали, что цѣпь принадлежитъ маркизу. И вотъ въ то время, когда маркизь разговаривалъ съ королевемъ, какая-то женщина вѣзжала въ комнату, несмотря на всѣ усилія стражи задержать ее. «Справедливости, король, справедливости! Вы носите имя Петра Справедливаго! кричала она: — маркизь донъ Фадрикъ вошелъ ко мнѣ въ эту ночь; онъ подкупилъ моихъ слугъ; онъ употребилъ насиліе противъ слабой

женщины. Вот доказательство: золотая цепь, съ его фамильным гербомъ; онъ подкупилъ ея моего слугу».

Все подтверждало истину несправедливаго обвиненія. А между тѣмъ настоящій преступникъ — донъ Діего. Онъ случайно сдѣлался владельцемъ золотой цепи, которую донъ Фадрикъ подарилъ Фернандо; съ помощію стараго Энцины, служившаго прежде у того же Фернандо, онъ совершилъ преступленіе и бѣжалъ, оставивъ слугъ донъ Анны въ полной увѣренности, что онъ донъ Фадрикъ.... Маркизь заключенъ: объявлена награда тому, кто отыщетъ Энцину, участника въ преступленіи. Но Энцина переодѣлся французскимъ монахомъ... Разъ, когда Фадрикъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ, донъ Діего встрѣтился съ нимъ; мнимый монахъ остановилъ его.

— А!

— Тише, Энцина! мы можемъ погубить другъ друга. Одно мое слово можетъ стоить тебѣ жизни; но я признаюсь, и моя жизнь въ твоихъ рукахъ.

— Я родился въ Севильѣ, сивьоръ, отъ благородныхъ родителей и не разъ съ честью выходилъ изъ бѣды; но если я буду такъ несчастливъ, что понадусь теперь, то я скорѣе отдамъ палачу тысячу душъ, чѣмъ одно да.

— Ты знаешь, что въ молчаніи теперь наше спасеніе....

— Да... А все вы напроказили.

— Я ошибся. Я думалъ, что маркизь свѣнѣе чѣмъ оказалось.... Любовь, ночь, молодость.... Я увлекся....

Посмотримъ, что будетъ.... терпѣніе, повторялъ Энцина.

— Только ты и сестра и я, только мы трое знаемъ, что ты былъ моимъ слугою, и что ты теперь монахъ.

— Стало быть несчастный маркизь пострадаетъ за вашу глупость?

— Мнѣ жаль его.

— За него его невинность и правда.

— Прекрасно!... за насъ ловкость, благоразуміе и тайна.

— Прощайте. Примите мое благословеніе, сивьоръ.

Но уходя, онъ слышитъ громкій крикъ глашатая, возвѣщающаго толпѣ:

«Король объявляетъ двѣ тысячи червонцевъ тому, кто представитъ «въ судъ Жуана Энцину. Самъ Жуанъ Энцина получитъ ту же сумму и со вершенное прощеніе, если предается въ руки королевскихъ «офицеровъ»».

Энцина возвращается къ дону Діегу.

— Ну, сказалъ онъ: — что вы думаете объ этой прокламаціи?

— Уходи скорѣй! тебя схватятъ.

— Чортъ возьми, двѣ тысячи червонцевъ и прощеніе!...

— Что?

— Видите, что; скрываться и бѣжать скучная вещь; съ двумя тысячами червонцевъ я буду жить спокойно....

— Онъ, казалось, былъ готовъ сбросить съ себя монашескую одежду, но донъ Діего остановилъ его.

— Съ ума ты сошелъ?

— Нисколько, нисколько! У меня теперь два врага: законъ и бѣдность. Я могу избавиться отъ того и другого....

— И ты называлъ себя честнымъ человѣкомъ? Говори; сколько хочешь ты за свое молчанье? Я заплачу.

— А прощеніе? дадите вы мнѣ прощеніе? Я оставляю вамъ монашеское платье, а самъ отправляюсь получать мои червонцы.

— Я погибъ! горестно произнесъ Діего.

— Да, да, да!... воскликнулъ Энцива, расхохотавшись: — какъ вы легковѣрны!

— Что?

— Хорошо вы мнѣ вѣрите!... Каково я васъ испыталъ?...

Онъ клянется хранить тайну, и они расходятся.

Маркизь между тѣмъ въ тюрьмѣ. Защитниковъ и друзей у него мало; народъ противъ него: распространился слухъ, будто онъ велѣлъ убить своего брата; все дурное и жестокое приписываютъ ему. Говорятъ, будто онъ хотѣлъ погубить донъ Педро де Луна, своего соперника, сдѣлавъ его начальникомъ ослабленной и разбитой арміи. Но донъ Педро, послѣ блестящей побѣды, получаетъ довѣріе короля, окончательно устраиваетъ гибель маркиза и вступаетъ на его мѣсто при дворѣ....

Въ то время возвратился въ Кордову Фернандо. Несчастіе Фадрика глубоко поразило его. Скоро онъ узналъ, что оно незаслуженное. Соображая время, Фернандо видитъ, что Энцива никакъ не могъ быть слугою Фадрика, когда совершилось преступленіе; онъ также знаетъ достоверно, что золотая цѣпь, найденная у одного изъ слугъ донны Анны, въ то время уже не принадлежала Фадрику... Съ такими доводами онъ является къ королю, доказываетъ невинность Фадрика и возвращаетъ жизнь и свободу челоѣку, которому некогда самъ былъ обязанъ жизнію и свободою....

Такъ оканчивается комедія.... *ganar amigos* (какъ приобретаешь друзей) — народная поговорка испанцевъ, — Аларсонъ пояснилъ ее цѣлой комедіей....

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Аларсона — «Сомнительная правда». Лжецу не вѣрятъ и тогда, когда онъ говоритъ прав-

ду; вотъ основная мысль комедіи (*). Замѣчательно, что это комедія въ полномъ смыслѣ слова, а въ Испаніи комедія рѣдкость. Испанцы не анализируютъ характеровъ. Характеръ исчезаетъ, расплывается у нихъ въ потоки всеобщаго безумнаго увлеченія. Личность стерта общепринятой формой.... Аларсонъ испыталъ это на себѣ. Вотъ содержаніе комедіи :

Донъ Гарціа, прекрасный, храбрый юноша знатнаго рода, кончаетъ курсъ въ Саламанкѣ и возвращается къ отцу въ сопровожденіи почтеннаго педагога, челоѵка зрѣлыхъ лѣтъ, которому отецъ вѣверилъ его. Гарціа былъ любимый сынъ и притомъ, какъ старшій, долженъ былъ получить майоратъ; на немъ покоились все надежды дона Бельтрана. Когда сынъ возвратился, отецъ тотчасъ отправился въ комнату ментора съ цѣлью узнать, каковъ юноша, достойна ли душа его высокаго благородства предковъ. Послѣ небольшой прелюдіи на тему о знатности рода и добродѣтеляхъ сына, старый *estudiante* признался, что одинъ недостатокъ помрачаетъ все качества дона Гарціи — привычка, отъ которой невозможно было вылечить его.

— Какая привычка?

— Не всегда говорить правду. Но можетъ быть она исчезнетъ при дворѣ, истинной школѣ чести.

— Вы очень ошибаетесь, возражаетъ донъ Бельтранъ: — при дворѣ-то и учатся лгать. Но все равно; ваше извѣстіе приводитъ меня въ отчаяніе. Лучше бы онъ растратилъ все мое состояніе на глупыя интриги, лучше бы проводилъ день и ночь въ игрѣ, дрался шесть разъ въ недѣлю; я бы все простилъ ему, только не ложь. Лучше бы онъ умеръ

Словомъ, старый дворянинъ пришелъ въ благородное негодованіе, которое очень идетъ кастильцу. «Лгать! лгать! повторялъ онъ: — а предки! а честь!»

Сынъ между тѣмъ думалъ о томъ, какъ бы завести интригу. Онъ надѣлъ великолѣпный поясъ, шею украсилъ большимъ воротникомъ изъ тонкаго голландскаго полотна. Мечтая о любовныхъ похожденияхъ, о побѣдахъ надъ знатными дамами, онъ очень рассчитываетъ на свой воротникъ, благодаря которому голова его возвышается какъ дыня въ корзинѣ. Ни одна женщина не устоитъ противъ такого воротника!...

«Все женщины, и даже знатнѣйшія, говоритъ одинъ путешественникъ того времени (голландецъ Аарсенъ), останавливаютъ васъ

(*) У Корнеля :

— Je disais vérité; — quand un menteur la dit,

En passant par sa bouche, elle perd son crédit.

«на улицъ, если вы имъ понравитесь, и просятъ купить имъ мороженое, букетъ цвѣтовъ, лимонаду. Теперь онъ уже не ходятъ подлѣ вуалью. Ихъ молитва состоитъ въ томъ, что онъ просятъ Бога послать имъ ловкихъ поклонниковъ. Какъ только вы вступаете въ чей-либо домъ, васъ спрашиваютъ, намѣрены ли вы ухаживать въ качествѣ будущаго мужа или любовника (*o marido, o amante-bado*). Въ первомъ случаѣ вамъ отказываютъ, во второмъ очень рады гостю».

Донъ Гарція совѣтуется съ своимъ слугою, первымъ министромъ интригъ. Тристанъ (слуга) сообщаетъ ему подробныя свѣдѣнія о мадритскихъ женщинахъ въ астрономическомъ, фигурномъ стилѣ. Онъ говоритъ ему, сколько родовъ *женскихъ звѣздъ блистаетъ въ Мадри-тль*, называетъ знатныхъ дамъ благосклонныхъ, подающихъ надежды, и недоступныхъ, которыя, вмѣстѣ съ своими мужьями, производятъ на прїѣзжаго мрачное и какое-то странное впечатлѣнiе, — дамъ, которыхъ мужья заняты дѣлами въ Индiяхъ, въ Италiи, Фландрiи, и наконецъ тысячи женщинъ, выдающихъ себя замужними, чтобы жить свободно.

— Вы увидите, продолжаетъ Тристанъ: — и молоденькихъ и хорошенькихъ, похожихъ на неподвижныя звѣзды, пока матери ихъ не дремятъ. Если хотите, я назову вамъ всѣхъ *tisonas* и *bisconas*; это — второстепенныя звѣзды, которыя также не дурны. Вы найдете и такихъ, которые исчезаютъ какъ быстрые метеоры; но точка притяженiя этихъ *смертныхъ звѣздъ*, ихъ магнитный полюсъ — деньги. Если у васъ есть деньги....

— Вотъ славно! разумѣется есть!

— Вы спасены!

— У меня золото!

— Кончено! женскiй мiръ теперь вашъ, вы — Цезарь Испанiи. Ничто не воспротивится вамъ. Приступайте къ дѣлу!

Въ то время проѣзжала карета, запряженная двумя красивыми лошадьми. Въ ней сидѣли двѣ очень хорошо одѣтыя женщины. Выходя изъ кареты, одна оступилась; Гарція воспользовался удобнымъ случаемъ и поддержалъ ее. Между ними сейчасъ же посыпались тѣ выискано-любезныя фразы, которыми Испанiя наводнила Европу.

.... Донъ Бельтранъ приходитъ бранить своего сына-лжеца.

— Ты рыцарь, Гарція? спрашиваетъ онъ.

— Я вашъ сынъ.

— Думаешь ты, что ничего больше не надо, чтобы быть рыцаремъ?

— Конечно.

— Глупая мысль! вести себя по-рыцарски, — вот что значитъ быть рыцаремъ. Таково правило благородныхъ фамилій. Люди незватные, но совершившіе великія дѣла, прославили потомковъ.... А ты, сынъ мой, ты уже не дворянинъ, если за тобой водятся поступки негодая. Что тебѣ до отцовской доблести, до старыхъ предковъ? ты дворянинъ!... Нѣтъ, ты — ничто! ты безпрестанно лжешь, ты — ничто! Ни дворянинъ, ни плебей не можетъ лгать, не дѣлаясь посмѣшищемъ народа. А во лжи-то все и упрекаютъ тебя. Неужели шпага твоя такъ широка, грудь такъ тверда, что ты можешь устоять противъ всѣхъ твоихъ обвинителей? О печальный порокъ! о бесплодный и жалкій порокъ! Страсти приносятъ наслажденіе; деньги даютъ все и довольство.... но ложь! ложь!... она приноситъ только позоръ.

— Кто называлъ меня лжецомъ, тотъ солгалъ.

— Опять лжешь!... Подумай, несчастный! подумай, что Богъ создалъ тебя человекомъ, что твое лицо — лицо человека, что у тебя пробилась мужская борода, что на боку у тебя виситъ шпага, что ты родился дворяниномъ, и что я отецъ твой....

.... Я хочу женить тебя.

— Меня?

— Зачѣмъ твоя грусть? говори; не мучь меня. Что съ тобой?

— Мнѣ грустно, что я не могу повиноваться вамъ.

— Отчего?

— Оттого, что я ужь женатъ.

— Женатъ! и я не зналъ?

— Меня принудили; все кончено.

— Ты женатъ! Нѣтъ, никогда отецъ не былъ такъ несчастливъ, какъ я!

— Выслушайте, и вы увидите, что и вы и я — мы оба счастливы!

— Говори, говори, моя жизнь теперь на твоихъ устахъ!

— На помощь все мои силы! теперь или никогда, долженъ я употребить всю ловкость моего ума!

(Читатель догадался, что бракъ донна Гарція — ложь.)

— Случайно я увидѣлъ ее, говоритъ Гарція: — а увидѣть ее, значило полюбить. Стальное сердце не могло бы устоять... Я проводилъ дни и ночи въ ея улицѣ, и по мѣрѣ того, какъ я увеличивалъ мою безумную преданность, она увеличивала свою благосклонность.... Я вошелъ въ ея комнату.... Она готова была склониться на мои пылкія мольбы, — вдругъ вошелъ отецъ.... Пораженная, но мужественная (она уже женщина), она спрятала меня подъ кровать.... При выходѣ отца мои часы начали бить (къ чорту изобрѣтателя часовъ!).... Откуда.... какіе часы бьютъ? спросилъ отецъ.

И такъ далѣе.... Вотъ какъ искусно Гарція придумалъ интригу!

— Счастливо обошлось! говорить онъ по ухоль отца: — старикъ всему повѣрилъ! А! а! ложь бесполезна! ложь ни къ чему не ведетъ! Видеть, какъ внимательно тебя слушаютъ и вѣрять — неужели не наслаждение?... Отдѣлаться отъ нежеланнаго брака — неужели не выгода?

Аларсонъ издалъ свои драматическія произведенія въ двухъ книгахъ. Первая появилась въ Мадридѣ, въ 1628 году (in-4). Она содержитъ восемь драмъ, изъ которыхъ «*Los Favores del mundo*», кажется, заключаетъ въ себя черты его собственной жизни: имя героя — Аларсонъ, онъ чужестранецъ, бѣденъ, гонимъ людьми и судьбою.

Вторая книга вышла въ Барселонѣ въ 1634 году. Она содержитъ въ себя двѣнадцать драматическихъ произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма замѣчательны и показываютъ, что талантъ Аларсона достигъ въ ту пору полной зрѣлости.

Examen de Maridos (пересмотръ жениховъ), старая сказка изъ *Gesta Romanorum*, переложенная на испанскіе нравы. Въ ней есть мастерски набросанныя сцены. Вотъ одна изъ нихъ:

Молодая дѣвушка раскрываетъ завѣщаніе отца и находитъ въ немъ приказаніе перебрать своихъ жениховъ. Она заставляетъ своего управителя читать ихъ имена и титула.

— Гдѣ ихъ письма? говоритъ Инеса своему управителю.

— По вашему приказанію они вотъ въ этомъ письменномъ столѣ.

— Хорошо. Начнемъ смотрѣть женихамъ. (Садятся за письменный столъ).

— Начнемъ же.

— Донъ Жуанъ де Биваръ.

— Этотъ, кажется, пишетъ не много.

— Не много.... «Я умру, если вы жестоки....»

— Черезчуръ старо. А чтó говорятъ о немъ наши справки?

— Молодъ, строенъ, дворянинъ, родомъ изъ Галиціи; шесть тысячъ дукатовъ годового доходу и красивый станъ. Но игрокъ. Говорятъ, онъ смиренно живетъ теперь.

— Игрокъ возненавидитъ себя, но никогда не исправится. Вычеркните имя дона Жуана де Бивара и продолжайте.

— Вычеркнулъ.... Донъ Жуанъ де Гуцманъ, дворянинъ.

— Не тотъ ли, чтó всегда носить зеленый галстукъ, символъ надежды?

— Тотъ самый.

— Вѣчно надѣяться — участь глупца. Читайте.

— «Милостивая государыня, съ того мрачнаго мгновенія, какъ знаменитый вѣстникъ міровъ очерчиваетъ поясъ своихъ лучей около земного шара, мысль моя....»

— Довольно....

— «Мысль моя вращается около вашихъ прелестей....»

- Стиль говорить за человека. Скорѣй, скорѣй вычеркните его.
 - Исполнено.
 - Продолжайте.
 - Донъ Гомецъ изъ Толедо. Крестъ Калатравы блистаетъ на груди его; онъ бываетъ у министровъ. Походка важная, шагъ скорый, широкой плащъ наброшенъ на плечо. Мрачный видъ, шляпа надвинута на глаза; человекъ зрѣлый и по лѣтамъ и по благоразумію.
 - Слишкомъ старъ. Пропустите его.
 - Но позвольте вамъ замѣтить, что здѣсь говорится о зрѣлости, а не о старости.
 - Другого! Въ дѣлѣ замужства зрѣлое уже слишкомъ зрѣло.
 - Донъ Гуртало де Мендоза.
 - Чтò онъ?
 - Человекъ достойный....
 - Будетъ пусть.
 - Но бѣдный.
 - Будетъ завистливъ.
 - Онъ надѣется на богатое наслѣдство.
 - Расчитывать на смерть другого — дѣло печальное и невѣрное.
 - Онъ ищетъ должностей.
 - Я не хочу мужа, который бы вѣчно протягивалъ руку.
 - Говорятъ, онъ будетъ вице-королемъ.
 - Отчего не королемъ?
 - Въ немъ только одинъ недостатокъ: гнѣвъ.
 - Я ищу мужа, чтобы любить, а не бояться его. Вычеркните.
- Другого!
- Графъ донъ Гилленъ Аррагонскій. У него процессъ за одно владѣніе.
 - А! несчастный! Процесса и супружества слишкомъ много вдругъ.
 - Донъ Маркосъ да Гертара.
 - О! пропустите... Громкія имена пугаютъ меня. Донъ Карлосъ, донъ Наблосъ, донъ Тадео не годятся мнѣ въ мужья. Вычеркните ихъ.
 - Вотъ графъ донъ Жуанъ.
 - Слышу.
 - Андалузецъ, богатъ, и богатство его съ каждымъ днемъ возрастаетъ; экономенъ....
 - Достоинство ростовщика, а не дворянина. Я хочу человека нерасточительнаго и нескупого.
 - У него были любовницы.
 - Жена будетъ послѣднею изъ нихъ.
 - Не аккуратенъ.
 - Онъ дворянинъ.
 - Дурно платитъ.
 - Придворный человекъ.
 - Рѣзовъ.
 - Андалузецъ.

- Вдовъ.
- Вдовъ!.. Скорѣй вычеркивайте его. Кто убилъ первую, убьетъ и прочихъ.
- Графъ Карлосъ.
- Я знаю въ немъ одинъ недостатокъ....
- Какой, синьора?
- Я не люблю его.
- Вычеркивать его?
- Оставимъ его на примѣтъ. Послѣ, Бертранъ, увидимъ!
- Остается одинъ маркизъ донъ Фабрикъ.
- А!... справлялись вы, есть ли въ немъ тѣ недостатки, которые ему приписываютъ?
- Есть.
- И вы увѣрены въ этомъ.
- Увѣренъ.
- Эта хроническая болѣзнь — сумасбродство, эта вѣтренность?
- Да.
- Вычеркивайте же (она вздохнула).... или нѣтъ.... погодите.... дайте мнѣ сперва вычеркнуть его въ моемъ сердцѣ....

Слѣды испанскаго вліянія замѣтны на всѣхъ театрахъ міра. Въ Венеціи, въ Римѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ, въ Нью-Йоркѣ, *Донъ Жуанъ* или *Сидъ*, *Джеецъ* или *Тайный бракъ*, — старыя прихоти мадритскихъ поэтовъ уворно держатся, такъ много въ нихъ драматической жизни. Мольеръ много заимствовалъ у итальянцевъ, испанцевъ и римлянъ. Шекспиръ воспользовался всеми сказками Европы. Одна Испанія черпала изъ себя; она развила въ себѣ міръ тѣмъ болѣе любопытный, что онъ не принадлежитъ нѣсколькимъ гениальнымъ людямъ, а цѣлому народу. Это — наивное и смѣлое выраженіе изолированной національности.

Съ перваго взгляда Кальдеронъ, Аларсонъ, Роксаъ и Тирсо кажутся однимъ лицомъ; тысячи испанскихъ драмъ, вытекшія изъ этого источника съ XVI до XVII столѣтія, похожи одна на другую; онѣ близнецы. Чтобы узнать отличительную черту таланта того или другаго испанскаго драматурга, нужно взглянуть какъ можно поближе. Оригинальность испанскихъ драмъ есть оригинальность народа, не одного человека. Личный талантъ поэта какъ бы принесъ себя въ жертву и потерялся въ гениі массы. Это не лишено величія, но лишено разнообразія; это придаетъ энергія, но вредитъ глубинѣ произведенія. Монतालванъ, Гвилленъ де Кастро, донъ Жуанъ Теллецъ, Діаманте понесли за всеобщемъ теченіемъ творчество, краснорѣчіе, завязку; ихъ талантъ — инстинктъ, не размышленіе.

Драма въ XVII столѣтіи играла роль нашей печати.

Вся событія, весь воспоминанія, весь идеи, весь шутки, весь надежды, весь кругъ современныхъ идей и стремлений совмѣщала въ себя драма....

Пренебречь или забыть эту драму нельзя. Философія должна обратить свои взоры на весь типы литературной красоты и подвести ихъ подъ общій типъ; она должна отличить преходящія явленія извѣстныхъ эпохъ и племенъ отъ дѣйствительныхъ заслугъ, принадлежащихъ всемъ временамъ и такимъ образомъ подчинить ихъ вѣчнымъ законамъ.

Видно, что текст в этой области сильно искажен и содержит мало читаемого. Видны лишь отдельные слова и фразы, которые трудно расшифровать.

Главы посвящены различным вопросам, касающимся истории и философии. Текст в этой области также сильно искажен, но можно различить некоторые ключевые слова и фразы.

В заключение можно сказать, что текст в этой области содержит много ценной информации, но он сильно искажен и требует тщательной проверки и редактирования.